

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.51>

Кунавин Евгений Сергеевич

**[ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУУМА И АБСОЛЮТА В ТВОРЧЕСТВЕ С. КЬЕРКЕГОРА И Ф. КАФКИ \(НА МАТЕРИАЛЕ МИНИАТЮРЫ Ф. КАФКИ "ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОСЛАНИЕ" И ОТРЫВКА ИЗ КНИГИ С. КЬЕРКЕГОРА "БОЛЕЗнь К СМЕРТИ"\)](#)**

В статье анализируются миниатюры С. Кьеркегора (1813-1855) и Ф. Кафки (1883-1924), в которых речь идет о взаимоотношении индивидуума и Абсолюта. Рассматривается тема принципиальной возможности установления контакта между индивидуумом и Абсолютом; затрагивается вопрос веры. При разборе философских воззрений С. Кьеркегора упоминается понятие "прыжка веры", которое является ключевым для понимания его мысли. Продемонстрированы как сходства, присущие этим двум текстам, так и различия. Наглядно показано несоответствие в мировоззрении обоих литераторов, которое заключается в том, что для Ф. Кафки контакт принципиально невозможен, так как это заложено в основании бытия, а для С. Кьеркегора возможно все, если осуществить "движение веры". В заключение сделаны выводы и указания на важность темы взаимоотношения отдельного человека и Абсолюта в творчестве Ф. Кафки.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2019/1/51.html](http://www.gramota.net/materials/2/2019/1/51.html)

Источник

**[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)**

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 246-251. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2019/1/](http://www.gramota.net/materials/2/2019/1/)

**[© Издательство "Грамота"](#)**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 20.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.51>

*В статье анализируются миниатюры С. Кьеркегора (1813-1855) и Ф. Кафки (1883-1924), в которых речь идет о взаимоотношении индивидуума и Абсолюта. Рассматривается тема принципиальной возможности установления контакта между индивидуумом и Абсолютом; затрагивается вопрос веры. При разборе философских воззрений С. Кьеркегора упоминается понятие «прыжка веры», которое является ключевым для понимания его мысли. Продемонстрированы как сходства, присущие этим двум текстам, так и различия. Наглядно показано несовпадение в мировоззрении обоих литераторов, которое заключается в том, что для Ф. Кафки контакт принципиально невозможен, так как это заложено в основании бытия, а для С. Кьеркегора возможно все, если осуществить «движение веры». В заключение сделаны выводы и указания на важность темы взаимоотношения отдельного человека и Абсолюта в творчестве Ф. Кафки.*

*Ключевые слова и фразы:* Кафка; Кьеркегор; миниатюра; «Императорское послание»; «Болезнь к смерти»; творчество; полемика; Абсолют.

**Кунавин Евгений Сергеевич**

Московский педагогический государственный университет  
evkuec@gmail.com

### **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУМА И АБСОЛЮТА В ТВОРЧЕСТВЕ С. КЬЕРКЕГОРА И Ф. КАФКИ (НА МАТЕРИАЛЕ МИНИАТЮРЫ Ф. КАФКИ «ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОСЛАНИЕ» И ОТРЫВКА ИЗ КНИГИ С. КЬЕРКЕГОРА «БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ»)**

Сёрен Обю Кьеркегор (1813-1855 гг.) – выдающийся датский философ, чьи идеи получили отражение в творчестве многих писателей и поэтов. Его философское наследие нашло отклик не только в родной ему Дании, но и во всем мире [9; 12; 15; 20].

В данной статье речь пойдет о параллелях в творчестве С. Кьеркегора и Ф. Кафки. Современное кафкаведение признает наличие кьеркегоровского следа в произведениях пражского литератора, поэтому представляется совершенно обоснованным анализ ключевой для творчества обоих авторов темы, а именно отношения индивидуума, то есть отдельного человека, к Абсолюту. Необходимо отметить, что под Абсолютом подразумевается духовное первоначало всего сущего, которое мыслится как нечто единое, всеобщее, безначальное и бесконечное и противопоставляется всякому относительному и обусловленному бытию [1].

В своих произведениях литераторы часто обращаются к изображению ситуации, когда индивидуум, явным или скрытым образом, стремится наладить контакт с Абсолютом, принимающим образ высшей силы, будь то император или Закон. Это можно наблюдать в попытках Йозефа К. (роман «Процесс») и поселянина (миниатюра «У врат Закона») пробиться к Закону; показателны бесконечный путь землемера к замку (из одноименного романа) и письмо императора подёнщику («Болезнь к смерти»). Обращает на себя внимание тот факт, что все персонажи, фигурирующие в данных текстах, – одиночки. Во всех случаях они ищут истину, пытаются примирить собственное единичное со всеобщим. Юрг Аман в своей работе о Кафке писал, что каждый индивидуум, тем более гений, имеет собственную неповторимую психологию и взгляд на мироустройство. При этом он приводит фразу пражского писателя, свидетельствующую о его глубоко личном отношении к Абсолюту: «У каждого человека своя жизнь и свой Бог» [14, S. 16]. Характерной особенностью, сближающей творчество литераторов, является сходство фабул их произведений: посюсторонний индивидуум терпит неудачу при попытке наладить контакт с Абсолютом и перейти границу с трансцендентным. Йозефу К. не дано узнать, кто его судит; поселянин умирает, так и не сумев пройти к Закону, землемер ходит вокруг да около, но замок для него недостижим; подёнщик не верит своему счастью.

Ситуации стремления к трансцендентному, которые моделируют писатели в своих произведениях, имеют много общего, но, несмотря на видимое сходство в их изображении, выводы, к которым приходят С. Кьеркегор и Ф. Кафка, принципиально различны.

Исследователи отмечают, что духовные поиски, определение своего «я» [10, с. 60], познание смысла человеческого существования [5], тоска по всеобщему – это основные мотивы, встречающиеся в произведениях обоих писателей. Они часто обращаются к ним, и это обуславливает то значительное количество материала, которое оказывается в руках исследователей проблемы взаимоотношения индивидуума и Абсолюта.

Анализ всех доступных текстов, сопоставление их друг с другом представляется чрезмерным в рамках данной статьи. Поэтому будет произведен разбор двух небольших произведений: миниатюры (термин В. Г. Зусмана [3, с. 68]) «Императорское послание» и отрывка из «Болезни к смерти».

Стилистическое сходство и совпадение мотивов в этих текстах налицо. Уже первые предложения произведений рождают известные ассоциации: человек, знакомый с трудами обоих писателей, невольно отмечает про себя общность образа «императора» как высшей силы и наличие простого человека как объекта императорского послания.

В жизни Ф. Кафки было два периода интенсивного увлечения творчеством С. Кьеркегора. Первый начинается за пару лет до начала Первой мировой войны (первая запись, в которой упоминается имя Кьеркегора,

относится к 1913 году, но есть основания полагать, что уже в 1912 году Ф. Кафка был знаком с идеями датского философа) и заканчивается около 1916 года. Второй период длился с конца 1917 года и до самой смерти писателя в 1924 году. Биограф Ф. Кафки, известный немецкий исследователь Р. Штах, отмечает, что труды С. Кьеркегора оказали сильное влияние на творческое развитие пражского писателя: “Der Eindruck muss heftig gewesen sein, ein moralischer Axthieb...” [20, S. 471]. / «Произведенное [на Кафку] впечатление, как представляется, было очень сильно, сродни “удару топором”...».

«Императорское послание» было написано весной 1917 года, примерно за полгода до начала второго периода интенсивного увлечения творчеством С. Кьеркегора. В этом году у Кафки появляются записи, похожие на пересказ отрывка из «Болезни к смерти». Отрывок про подёнщика является системообразующим в философском труде С. Кьеркегора. В нем зашифровано описание процесса, ведущего к скрытому самораспаду христианской веры. Откликаясь на столь важный для датского мыслителя эпизод, Кафка демонстрирует понимание глубины данного процесса. Как будет видно далее, пражский писатель неоднократно обращался к идеям Кьеркегора и перерабатывал их на свой лад, выходя за рамки христианского контекста и адаптируя к условиям своих произведений.

Миниатюры обоих авторов иносказательны. При определении их жанра возникает затруднение, но, по мнению современных исследователей, они близки притче [11, с. 53] и параболе, при этом, как отмечает Лескова, Ф. Кафка создает «особый тип парабол... перенося “центр тяжести” с мира внешнего на мир внутренний, что открывает перспективу экзистенциального прочтения параболы Кафки» [7, с. 20]. Эти слова можно отнести и к отрывку про подёнщика, поскольку «центр тяжести» этой истории тоже переносится на внутренний мир главного героя.

Для обоих произведений характерны метафоричность стиля и использование средств художественной выразительности для создания особенной атмосферы. Через внутреннюю напряженность повествования удастся точнее определить положение, в котором оказывается индивидуум по отношению к Абсолюту. Литераторы исследуют ситуации, в которых ярко выражена проблема непреодолимости границы между посюсторонним и потусторонним.

В отрывке из «Болезни к смерти» повествуется о том, что у могущественного императора, недостижимого для простых людей, появляется желание, напоминающее каприз: направить «бедному подёнщику» послание, в котором сказано, что он «желает видеть его своим зятем».

В параболе Кафки послание обращено прямо к читателю – «отдельному, ничтожному подданному».

Исходные ситуации у обоих авторов почти идентичны: они подчеркивают огромную дистанцию между ничтожным индивидуумом и могущественным императором, который олицетворяет собой Абсолют. Первый «шаг» в миниатюрах делает император, то есть трансцендентная сторона, и это происходит совершенно неожиданно: у Кьеркегора сказано «внезапно», а в «Императорском послании» Кафка переходит сразу к делу.

Схожесть изначальных ситуаций сообщает читателю следующее: во-первых, Абсолют предпринимает попытку вступить в контакт со своими созданиями, которые после акта творения были от него отделены; во-вторых, эта попытка происходит неожиданно – возможная коммуникация была ранее нарушена либо вовсе не имела места; в-третьих, из-за подчеркивания огромной дистанции между «могущественным императором» и «ничтожным подданным» создается впечатление, что контакт не только не может быть установлен в описываемых ситуациях, но и принципиально невозможен: нет «моста» от посюстороннего к потустороннему, который обеспечил бы индивидууму «переход» в царство Абсолюта.

Анализ одних только исходных ситуаций демонстрирует, что контакт между индивидуумом и Абсолютом в реальности невозможен или его вероятность стремится к нулю.

Это подтверждает и то обстоятельство, что повествование ведется иносказательно, представляя собой интеллектуальную игру с читателем. Так, отрывок из «Болезни к смерти» начинается словами «вообразим себе бедного поденщика...», а «Императорское послание» – «как сообщают, император направил тебе...». Чтобы подчеркнуть вымышленный характер и, соответственно, невозможность происходящего, Кьеркегор с самого начала призывает читателя к игре воображения, используя для этого сослагательное наклонение (“Wo ich mir einen armen Tagelöhner dachte...” [17, S. 83]); Кафка использует неопределенно-личную конструкцию в индикативе (“...so heißt es...” [16, S. 280] («...как сообщают...»)). Данная конструкция производит такой же эффект, что и конъюнктив, превращающий последующее действие в предположение, вымысел, который ни при каких обстоятельствах не может быть принят за достоверный факт. Сомнение в невероятности происшествя обосновывается у Кьеркегора и Кафки в дальнейшем. Подёнщику ситуация представляется чем-то «в высшей степени странным... чем-то сумасшедшим» – он сразу предполагает, что «император хочет просто подшутить над ним, что весь город будет над этим смеяться, газеты поместят на него карикатуры, а кумушки будут торговать песенкой о его обручении с дочерью властителя». Его связь с императором, иначе с Абсолютом, не удается из-за внутреннего сомнения, неверия, тогда как у пражского писателя императорское послание никогда не может быть доставлено ожидающему его подданному из-за внешних обстоятельств: об этом говорит чрезмерное количество людей, собравшихся возле дворца императора: «Однако толпа слишком велика...» [4, с. 27].

Если сначала миниатюра Кафки создает впечатление, будто в царстве императора никаких непреодолимых препятствий нет (“alle hindernden Wände werden niedergebroschen” [16, S. 280] («все мешающие стены были снесены»)), то по мере продвижения посыльного они появляются в форме пространства и времени: “Erst wenn der Botenlauf beginnt, beginnen sich auch Mauern zu erheben: die Wohnstätten der großen Menge, die kein Ende nehmen, die Gemächer des innersten Palastes, die Höfe...” [Ibidem]. / «Как только посыльный отправляется в путь, начинают

сразу возвышаться стены: места обитания толпы, которым нет конца, парадные залы внутреннего дворца, дворы...». В тот самый момент, когда трансценденция между Абсолютом и индивидуумом должна быть совершенна, возникают препятствия, которые делают границу непреодолимой. Посыльный не может пробиться к ожидающему, несмотря на всю свою силу и неутомимость, так как пространственная дистанция между посюсторонним и потусторонним слишком велика, можно даже сказать бесконечна. Движение гонца напоминает известную апорию Зенона «Ахиллес и черепаха»: условия, присущие Абсолюту, абстрактны для человека; он не в состоянии их осмыслить. Согласно абсолютным законам, гонец будет вечно стремиться к адресату, но никогда не сможет его достичь. Трансцендентной стороне не хватает толики «человечности», то есть характеристик, присущих человеку. Понятия Абсолюта – бесконечность, вневременность, вечность – слишком сложны для восприятия посюстороннего индивидуума, и поэтому контакт оказывается невозможным. Иначе это можно сформулировать так: Бог настолько далек от людей, что более не в состоянии достичь своих созданий.

У С. Кьеркегора стремление человеческого индивидуума к установлению контакта с Абсолютом является результатом отчаяния, в котором индивидуум находится во время своего земного существования: *«Но откуда же берется отчаяние? Из отношения, в котором синтез относится к себе самому, ибо Бог, творя из человека это отношение, как бы отпускает его затем из своих рук, так что начиная с этого момента такое отношение должно само направлять себя»* [6, с. 32].

Бог создал человека, выделил его из себя, «отдалил» и поставил в такое положение, которое предполагает непреодолимую дистанцию. Человек, так сказать, оказался выброшенным в земное существование из состояния абсолютной защищенности; произошло разделение природы человека на две части – посюстороннюю и вечную: «Человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного...» [Там же, с. 29]. Поэтому в отрывке из «Болезни к смерти» С. Кьеркегора говорится также, что император хотел бы видеть подёнщика «своим зятем»: за этими словами скрывается проецированное желание индивидуума, чтобы Господь его, человека, взял обратно к себе в родство, в свою семью. Содержание послания, которое император направил своему подёнщику, в отличие от аналогичного из миниатюры пражского писателя, хорошо известно. Подёнщик знает, чего от него хочет император: вся дилемма состоит лишь в том, поверить своему счастью или нет.

У Ф. Кафки «отдельный человек» пассивен, он лишь ожидает установления контакта со стороны трансцендентного. Важно при этом время установления такого контакта: император отправляет свое послание со смертного одра, что означает, что Кафка серьезно сомневается в бессмертии, во всемогуществе Бога, но не потому, что он считает, что Бог может умереть, а потому, что отдельный человек находится на таком далеком расстоянии от Бога, что создается впечатление, будто Бог больше не существует. По этой причине Кафка использует образ «умирающего императора» (“sterbender Kaiser”) – для него не важно, существует ли еще Бог или уже нет – божественное послание никогда не достигнет «отдельного человека». Человек Ф. Кафки готов поверить своему счастью, он терпеливо ждет письма, но жизнь такова, что контакт между индивидуумом и Абсолютом в этом мире невозможен. Неизвестно, что послужило причиной такого пессимистичного отношения к реальности: возможно, этому способствовало неудачное написание романа «Процесс», духовным центром которого была миниатюра «Перед Законом», которая также имела в своей основе отношение индивидуума к Абсолюту; в этой миниатюре отдельный человек, как и подёнщик, держал судьбу в собственных руках, но не посмел её осуществить. Возможно, что на мирозерцание пражского писателя повлияли вторая научно-техническая революция (конец XIX в. – начало XX в.) и Первая мировая война, которые коренным образом изменили судьбу «лоскутной» империи – Австро-Венгрии. Эти события оказали такое воздействие на жизнь простого человека в этой, да и не только этой стране, что разрушились все традиционные представления о Боге, мире и самоопределении [21]; недаром период 1871-1933 гг. называют эпохой «нервности» [19]. Конечно, данное понятие относится к истории Германии, однако события и явления, затрагивавшие Германскую империю и Веймарскую республику, отзывались громким «эхо» и в жизни их австрийских соседей.

С уверенностью про оба текста можно сказать лишь то, что в них главенствует всеобщее сомнение; установление контакта с Абсолютом имеет место только на уровне фантазии. За представлением о том, что император со своего смертного одра вступает с ним в контакт, – и в этом моменте заключается очередное сходство между Ф. Кафкой и С. Кьеркегором – стоит стремление человека вновь соединиться с Творцом, так как послание, отправленное со смертного одра, имеет такую же силу, что и завещание или завет. Даже если считать, что послание адресовано «отдельному человеку» не как члену семьи, то можно все же предположить, что этот «отдельный человек» для Абсолюта, как минимум, доверенное лицо [18, S. 46]. Это позволяет сделать важный вывод о том, что в миниатюрах речь идет о стремлении человеческого индивидуума восстановить утраченную интимность в отношениях с божественным Абсолютом.

Это стремление, однако, не реализуется ни у подёнщика С. Кьеркегора, ни у «отдельного человека» Ф. Кафки. Отрывок из «Болезни к смерти» завершается словами: *«Это все вещи чересчур высокие для меня, их не стоит вбивать себе в голову; по правде сказать, все это кажется мне безумием»* [6, с. 102].

Для подёнщика такой контакт совершенно невероятен, он превосходит его понимание. Эта «невероятность» у С. Кьеркегора – решающий момент: если бы подёнщику удалось под гнетом внешних обстоятельств преодолеть свое успокаивающее неверие, то тогда ему удалось бы обрести уверенность в божественном послании, а значит «переход границы», как минимум в вере, состоялся бы: *«И предположим теперь некую реальность, не внешнюю, но внутреннюю, не имеющую в себе ничего материального, которая привела бы подёнщика к уверенности, попросту говоря, к вере, от которой зависело бы теперь все; хватило бы ему смиренного мужества, чтобы осмелиться в это поверить (а мужество без смирения никогда не помогает верить), и сколько*

из поденщиков могли бы иметь такое мужество?» [Там же]. Однако подёнщик оказывается ограничен истолкованностью мира «другими», которую он принимает как готовую и в этом смысле конечную [8, с. 114].

Ситуация подёнщика остается неразрешенной, С. Кьеркегор обрывает повествование, так и не озвучив окончательный выбор подёнщика. Это говорит о том, что персонаж датского философа не только сомневается, но и надеется. Поэтому для него остается возможность достичь трансцендентного – для этого необходимо совершить внутреннее движение, «прыжок веры». Только в этом случае индивидуум сможет достичь Абсолюта: «В вере парадоксально именно то, что она полагается как непосредственное отношение субъекта к субъекту. Усилием веры... мы постигаем реальность Другого. Но добраться до этой реальности – почти невозможная вещь, вступить в реальные отношения невозможно, все время мешают знания, превращающие Бога... в объект» [2, с. 48-49].

В представлении С. Кьеркегора, рождение субъекта (духовный прорыв, контакт с трансцендентным) происходит как раз в условиях объективной неопределенности, когда индивид не имеет возможности опереться ни на что, кроме самого себя, в этом мире, когда он берет на себя ответственность, и именно это его внутреннее решение, находящее воплощение во внешних действиях, определяет развитие ситуации [13, с. 523].

А вот в тексте Ф. Кафки этот проблеск надежды, связанный с движением веры, отсутствует. Перечитает последние слова: «А ты сидишь у твоего окна и, когда опускается вечер, мечтаешь о том, что в нем сказано» [4, с. 27].

Прочитанное заключение приводит к мысли, что все происходит почти что в состоянии дрёмы, во сне. С помощью прямого обращения к читателю (“Du aber sitzt an Deinem Fenster und...” [16, S. 281]. / «А ты сидишь у твоего окна и...» [4, с. 27]) завершается круг повествования: конец воссоединяется с началом, где к читателю впервые обратились напрямую: “Der Kaiser – so heißt es – hat Dir...” [16, S. 280]. / «Как сообщают, император... тебе...» [4, с. 27]. Из этого обращения следует, что ожидающим из миниатюры Ф. Кафки может быть любой человек. Ожиданию, как и в миниатюре «Перед Законом», придается экзистенциальное значение, так как оно через неопределенное указание времени – “wenn der Abend kommt” [16, S. 281] («когда опускается вечер» [4, с. 27]) – приобретает характер вечного. Индивидуум ожидает «императорское послание» столько, сколько сам существует. Можно сказать, что мысли и фантазии этого «отдельного человека» вращаются вокруг ожидаемого письма, а само ожидание становится сущностью его бытия.

Финалы миниатюр демонстрируют нам различие в выводах С. Кьеркегора и Ф. Кафки. В то время как герою копенгагенского мыслителя остается хотя бы призрачная возможность преодолеть сомнение и осуществить трансценденцию через «прыжок веры», индивидууму австрийского писателя, напротив, никогда не войти в контакт со своим Богом и, следовательно, не узнать того, что написано в послании. Хотя герой Ф. Кафки и верит в прибытие послания (иначе не стал бы ждать), все же он, в противоположность герою С. Кьеркегора, пребывает в ожидании вечно: у него не наблюдается никакого «внутреннего движения», никакого «прыжка веры». Это ожидание без «внутреннего движения» становится очевидным, если вспомнить, что человек из «Императорского послания» сидит у окна и там ожидает прибытия гонца. Эта ситуация сходна с ожиданием поселенца у врат Закона. Герои этих миниатюр пассивны; «переход границы» они осуществить не могут, так как оба в своем «царстве» (в своем доме, у врат) остаются отделенными от царства Божия и тщетно надеются на то, что Создатель сделает им шаг навстречу и первым выйдет на контакт. «Отдельный человек» Кафки пребывает «без движения» в посюстороннем мире. Известная поговорка гласит: «Под лежачий камень вода не течет». Именно пассивность индивидуума в миниатюре Кафки позволяет нам прочесть заключительное предложение «Императорского послания» как невозможность контакта между индивидуумом и Абсолютом. В этом и заключается принципиальная разница в мировоззрении обоих писателей.

#### Список источников

1. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный дом, 1999. 896 с.
2. Губин В. Д., Зенин К. В. Проблема человеческой экзистенции в философии С. Кьеркегора // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 10 (132). С. 46-56.
3. Зусман В. Г. Художественный мир Франца Кафки: малая проза и романы: дисс. ... д. филол. н. Новгород, 1997. 440 с.
4. Кафка Ф. Сторож склепа. СПб. – М.: Пальмира; Книга по Требованию, 2017. 455 с.
5. Кеба Д. А. Пространственная форма в романах Франца Кафки как средство выражения мировоззренческого поиска [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2016. № 8 (30). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3543> (дата обращения: 06.12.2018).
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Академический проект, 2016. 157 с.
7. Лескова Е. В. Жанровая специфика притчи и параболы в творчестве Ф. Кафки и Ф. М. Достоевского: экзистенциальный аспект: дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2015. 190 с.
8. Лызлов А. Переворот веры. Что значит быть самим собой по Кьеркегору? // Noizon. Феноменологические исследования. 2016. Т. 5. № 2. С. 109-121.
9. Никулина А. К. Философские идеи Серена Кьеркегора в романном творчестве Торнтон Уайлдера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 219-225.
10. Османова К. П. Два «Процесса»: к типологии образа человека в литературе абсурда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 182. С. 58-66.
11. Ткаченко В. И. Способы реализации экзистенциальной интенции в индивидуальном повествовательном дискурсе Франца Кафки: дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2013. 179 с.

12. **Фришман А.** Достоевский и Кьеркегор: диалог и молчание // Достоевский в конце XX века: сборник статей. М.: Классика плюс, 1996. С. 575-591.
13. **Чеснокова М. Г.** Категория субъективного и проблема соотношения внешнего и внутреннего у С. Кьеркегора // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3. С. 519-537.
14. **Amann J., Schaefer A. T.** Kafka: Wort-Bild-Essay. Innsbruck: Hamon Verlag, 2000. 156 S.
15. **Brod M.** Der Prager Kreis. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016. 344 S.
16. **Kafka F.** Drucke zu Lebzeiten / hrsg. von W. Kittler, H.-G. Koch und G. Neumann. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1996. 551 S.
17. **Kierkegaard S.** Die Krankheit zum Tode / Übersetzt von E. Hirsch. Gütersloher: Verlag-Haus Mohn, 1985. 185 S.
18. **Miethe H.** Sören Kierkegaards Wirkung auf Franz Kafka. Motivische und sprachliche Parallelen. Marburg: Tectum Verlag, 2006. 155 S.
19. **Radkau J.** Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler. München: Carl Hanser Verlag, 1998. 552 S.
20. **Stach R.** Kafka. Die Jahre der Entscheidungen. 3. Auflage. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 2014. 673 S.
21. **Winkelbauer T.** Geschichte Österreichs. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH und Co. KG, 2015. 653 S.

**INTERRELATIONS OF AN INDIVIDUAL AND ABSOLUTE  
IN S. KIERKEGAARD'S AND F. KAFKA'S CREATIVE WORK  
(BY THE MATERIAL OF F. KAFKA'S MINIATURE "A MESSAGE FROM THE EMPEROR"  
AND A FRAGMENT FROM S. KIERKEGAARD'S BOOK "THE SICKNESS UNTO DEATH")**

**Kunavin Evgenii Sergeevich**  
*Moscow State University of Education*  
*evkuec@gmail.com*

The article analyses S. Kierkegaard's (1813-1855) and F. Kafka's (1883-1924) miniatures addressing the problem of the interrelations of an individual and Absolute. The paper considers the fundamental possibility of establishing contact between an individual and Absolute and tackles the issue of faith. Analysing S. Kierkegaard's philosophical views the researcher focuses on the notion "a leap of faith", which is a key one for understanding the philosopher's thought. The author identifies similarities and differences between the mentioned works and shows clearly the discrepancy in the writers' worldviews, which lies in the fact that for F. Kafka the contact is impossible in principle, it's an inherent feature of existence, and for S. Kierkegaard everything is possible if "a leap of faith" is realized. Summarizing the findings the author emphasizes the importance of the problem of the interrelations of an individual and Absolute in F. Kafka's creative work.

*Key words and phrases:* F. Kafka; S. Kierkegaard; miniature; "A Message from the Emperor"; "The Sickness Unto Death"; creative work; polemics; Absolute.

УДК 8; 17:82.09

Дата поступления рукописи: 21.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.52>

*В данной статье рассматривается проблема генезиса жанра автобиографии в китайской литературе, на основе детального анализа научных исследований китайских, японских и западных ученых осуществляются хронологизация и систематизация ранних автобиографических форм, приводятся примеры наиболее репрезентативных произведений. Автор приходит к выводу о двойственной природе становления современного автобиографического жанра в Китае: о его преемственности собственно китайской традиции и заимствовании опыта западной биографической и автобиографической литературы.*

*Ключевые слова и фразы:* история китайской литературы; китайская литературная автобиография; генезис жанра; традиционные автобиографические формы; современные исследования.

**Курако Юлия Сергеевна**

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*  
*kurako.92@mail.ru*

**ГЕНЕЗИС ЖАНРА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АВТОБИОГРАФИИ  
В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

В европейской литературе основополагающим образцом жанра современной автобиографии считается «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (1766-1769, изд. – 1797), которая в полной мере обладает его жанрообразующими признаками, такими, как декларация автобиографической интенции повествователя в жанровом наименовании / предисловии / пояснениях к тексту / внетекстовой реальности; «ретроспективная установка» – сосуществование двух временных пластов – двух точек зрения: «я тогда» и «я теперь»; акцент на личной жизни, особенно становлении личности; гармоничное сочетание исторической, литературной и антропологической составляющих; стремление автора к достоверности, повествование от первого лица; триединство «я» автора, повествователя и главного героя; хронологическая последовательность изложения и открытый финал; наличие саморефлексии и самоанализа, а также структурных блоков «детство» (которому зачастую уделяется наиболее существенное внимание), «юность», «зрелость» и «старость».